

Клас Эверт Эвервин

Футбол или жизнь

Перевод с немецкого Павла Френкеля

ББК 84(4Гем)-44
УДК 821.112.2-31
Э15

Макет и обложка — Александр Васин (Groza.design)

Эвервин, Клас Эверт.

Э15 Футбол или жизнь : [для ст. шк. возраста : 16+] / Клас Эверт Эвервин ; пер. с нем. Павла Френкеля ; [макет и обл. А. Васин (Groza. design)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 192 с. — (YA).
ISBN 978-5-00083-465-7

Выйти на поле за легендарную «Боруссию». Перехватить мяч, обвести одного защитника, второго, третьего. Ударить с линии штрафной — и забить решающий гол! Мечта? Для Франца Шефера она вот-вот станет явью — а ведь ему нет еще и восемнадцати!

Ради исполнения заветного желания — стать профессиональным футболистом и зарабатывать игрой на жизнь — юноше предстоит покинуть родную деревню, расстаться с матерью, отцом, друзьями и девушкой. Без этих жертв он обречен прозябать в слабеньком любительском клубе «Хёэ-1908», с завистью следя за чужими успехами по телевизору. Приглашение на сборы в «Боруссию» — шанс, который нельзя упустить. Но в большом городе и большой команде Франц столкнется с такими вещами, о которых не подозревал, — и они заставят его сделать выбор раз и навсегда. Этим решениям, разделяющим судьбу на «до» и «после», и посвящена книга «Футбол или жизнь».

Клас Эверт Эвервин (родился в 1930 году) сменил множество профессий и мест проживания: был он и разнорабочим на ферме в немецкой глубинке, и муниципальным чиновником в крупном городе. Десять лет возглавлявший спортивный комитет в мэрии Нойса, Эвервин отлично разбирается в футбольной «кухне» — а также в человеческой психологии: его персонажи живые и многогранные, увлеченные и страстные.

Серия «YA» (young adults) продолжает любимую читателями «КомпасГид» коллекцию «Поколение www.». В начале 2010-х она стала широко известна благодаря таким обсуждаемым романам, как «Скажи, Красная Шапочка» Беате Терезы Ханики и «Притворяясь мертвым» Стефана Касты. Запущенная в 2010-м, та подборка была первой в России, ориентированной на аудиторию young adult («молодых взрослых»), и теперь линейка расширяется под новым названием. «YA» объединяет книги, которые могли быть написаны только в наши дни, — острые, дерзкие, злободневные романы-вызовы для читателей от 16 и старше. Оформил серию известный дизайнер, сооснователь фестиваля Turomania Александр Васин.

ББК 84(4Гем)-44
УДК 821.112.2-31

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Author: Klas E. Everwyn
Original title: Fußball ist unser Leben. Ziel: Bundesliga
© 1978 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany.
www.arena-verlag.de
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-465-7

Когда Франц Шефер вернулся домой с работы, его ожидал сюрприз. Мать крикнула с кухни:

— Тут тебе господин Лаутербах звонил!

Она сообщила это как бы между прочим, занимаясь приготовлением ужина.

Франца же от этой фамилии словно током ударило. Он резко выпрямился и крикнул:

— Хеннес Лаутербах?!

— Своего имени он не назвал, — ответила мать. — Ты его знаешь?

— Еще бы, — Франц подошел к кухне и прислонился к дверному косяку, — это же дико знаменитый человек! Игрок сборной — во всяком случае, до последнего чемпионата мира. Он сказал что-нибудь?

— Да, просил перезвонить. Я тут где-то записала его номер.

Она выгребла из фартука мятую бумажку и протянула Францу. Он чуть ли не вырвал бумажку из рук матери.

— Я — к автомату! — бросил Франц, выскакивая из дома и устремляясь по деревенской улице вниз, к хлебопекарне Маренбаха. У них дома, в обновленном фахверковом¹ здании, телефона не было. Отец Франца работал

¹ Каркасная конструкция, характерная для средневековых построек, в частности в Германии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

составителем поездов на железной дороге и просто представить себе не мог, кто бы ему стал звонить и кому бы звонил он сам.

Зато Франц очень хотел иметь телефон. А в последнее время особенно. То и дело требовалось связаться с кем-нибудь, то и дело разыскивали его самого: команда спортклуба «Хёэ» в первый раз участвовала в юниорском чемпионате страны. Ему звонил тренер, чтобы сообщить о переносе тренировки; звонил работодатель и одновременно председатель спортклуба господин Киршбаум — сказать, что дает отгул...

Всякий раз за Францем присылали ученика пекаря, и приходилось бежать к общественному телефону у Маренбахов. А это как-никак сто метров туда, сто обратно. Случалось, что на другом конце провода вешали трубку, не дождавшись. Надо было перезванивать самому, уже за свой счет.

Но сегодняшний звонок был другого рода. На сей раз позвонил не тренер, не председатель СК, а бывший игрок национальной сборной, правый крайний нападающий «Боруссии» Хеннес Лаутербах. Он был родом из этих мест, точнее, из Айбаха, что всего в десяти километрах от Шмалькоттена, деревни Франца. Иногда знаменитый футболист наведывался на игры СК «Хёэ». Особенно он зачастил туда в последнее время, когда стало ясно, что команда юниоров допущена к участию в чемпионате ФРГ. Лаутербах объявлялся на их стадионе — с загорелым лицом и крупными оттопыренными ушами, за которые его прозвали Ушастик. Пошли разговоры, что, мол, эти наезды неспроста.

Господин Киршбаум, мебельный фабрикант и председатель «Хёэ», рад был столь часто приветствовать именитого спортсмена. Всякий раз он брал в руки микро-

фон, сообщая присутствующим, что на стадионе находится Хеннес Лаутербах.

А теперь вот этот звонок. Франц мчался с колотящимся сердцем по деревенской улице. Добежав до крашенного в белый цвет здания, где располагалась пекарня господина Маренбаха, он распахнул дверь так, что задрезжал колокольчик, и крикнул:

— Это я, Франц! Позвонить надо!

В тот же миг он сорвал трубку с рычага и, держа смятый клочок бумаги в дрожащей руке, начал набирать номер.

Звонок в город, где находилась «Боруссия», обойдется недешево, но об этом Франц сейчас не думал. Он лишь чувствовал значимость происходящего. Чтобы сам Хеннес Лаутербах попросил перезвонить... Это могло означать лишь одно: Хеннес Лаутербах, а может, и сама именитая «Боруссия» имеют какие-то виды на него, Франца Шефера, левого крайнего нападающего деревенского клуба.

Сигнал полетел по проводам, и Франц замер, сжимая трубку вспотевшей ладонью. И вот наконец-то у самого уха голос ясно и четко назвал прославленное имя: «Лаутербах!» Франц сглотнул слюну, прежде чем смог выдать из себя хоть один звук. Не каждый день случается разговаривать с игроком сборной страны, тем более если тебе всего семнадцать лет, ты живешь в глухой провинции и играешь в футбол за спортклуб «Хёэ-1908».

Впрочем, название клуба замелькало в последнее время на страницах спортивной прессы. Его хвалили за «последовательную работу с резервом», приписывая эту заслугу мебельному фабриканту Киршбауму. Тот был страшно горд и при каждом удобном случае цитировал лестные отзывы из газет. «Хёэ» порой сравнивали с «Альзенборном», сельским клубом из Пфальца. Благодаря

столь же целенаправленной подготовке юных футболистов, осуществлявшейся честолюбивым правлением, «Альзенборн» покончил с сонным прозябанием и подобно комете понесся по спортивному небосклону. Правда, после ряда успешных сезонов название клуба, сверкнув (опять же подобно комете), исчезло с горизонта.

— Шефер говорит, — сказал Франц в трубку, что вызвало на другом конце радостное восклицание.

— Здóрово, — ответил Лаутербах, — молодец, что перезвонил. Ну как там у вас дела?

— В команде? — спросил Франц и услышал, как стучит сердце. — Дела у нас сейчас просто замечательные. После воскресной-то игры.

В воскресенье его команда сыграла первый матч в чемпионате страны против «Бело-зеленых-05» на их поле и добилась ничьей — 1:1. В следующее воскресенье — ответная встреча на своем поле. Но под нее клубу, естественно, придется арендовать стадион в Бушроте, потому что для такой игры их жалкое гаревое поле не годится. Как-никак клуб рассчитывал на несколько тысяч зрителей и соответствующую выручку.

— Я смотрел матч. Всё разыграли как по нотам. Высший класс. Ну и, конечно же, твой гол, Франц. Все сделал лично.

У Франца перехватило дыхание. Он почувствовал, что теперь уже недолго осталось ждать, сейчас станет ясно цель звонка. Вот сейчас.

— Потому я тебе и позвонил, — не замедлил сказать Лаутербах.

— Правда? — спросил Франц, растягивая гласные, будто и в самом деле сильно удивился. Он уже знал наперед, что теперь должно последовать, и не мог дождаться, когда же наконец Лаутербах скажет заготовленную фразу.

— Так вот, — произнес голос в трубке, — мы и подумали: того, кто умеет забивать такие классные голы, заинтересует предложение поучаствовать в наших тренировочных сборах. Что скажешь?

— В тренировочных сборах? — переспросил Франц. — Значит, мне к вам приехать?

— Разумеется, когда у вас кончатся игры. Но ты уже сейчас должен думать об этом. Вкалывай как следует, держи себя в форме. Надеюсь, ты меня понял?

— Ясное дело! — воскликнул Франц. От возбуждения он чуть не выпустил трубку из рук. «Сборы! — пело у него все внутри. — С ума можно сойти! Надо сейчас же сбегать к Карин!»

— И, пожалуйста, никому ни слова, — веско сказал Лаутербах.

— Никому, железно! — выпалил в ответ Франц, хотя знал на сто процентов, что удержать в себе такую новость не сможет.

— Когда придет время, я тебе позвоню или заеду, если буду поблизости. Я ведь старика своего навещаю, а он недалеко от вас живет, в Айбахе.

— Ага, здорово, — ничего другого Францу просто в голову не пришло. Он мечтал поскорее закончить разговор и помчаться к Карин. Что-то она скажет?

— Ну тогда пока, Франц.

— Пока, Хеннес! — крикнул Франц. Но тут же осекся: имеет ли он право тыкать прославленному футболисту, называть его просто по имени? Франца прошиб пот. Как бы не допустить промашки. Хотя в их краях, откуда родом и сам Лаутербах, друг к другу обращаются по имени и на «ты» независимо от возраста.

Франц повесил трубку и тут же увидел стоящего на винтовой лестнице Германа Маренбаха. Пекарь в своей

рабочей одежде, перепачканной мукой, под два метра ростом, светловолосый и худощавый, крепко держался ручищами за перила — весьма колоритная фигура. При виде его Франца разобрал смех.

— Герман, чудило, — только и сказал он и прыснул.

Герман Маренбах неспешно спустился вниз.

— Ну, что там у тебя еще за дела? — спросил пекарь высоким гнусавым голосом, из-за которого его дразнила вся деревня. — Это что, тот самый знаменитый Лаутербах?

— Да, представь себе, — вырвалось у Франца, — они хотят пригласить меня на тренировочные сборы. Только не разболтай!

— Слово даю, — пообещал Герман.

Он был выше Франца на целую ладонь, хотя Франц со своими ста восьмьюдесятью сантиметрами был довольно высокий для левого крайнего. Но рядом с Германом любой казался маленьким.

— Уже договорились, когда ты к ним переберешься?

— Как только матчи проведем. Ну а теперь я побегу — надо сначала всё Карин рассказать. Сколько с меня за разговор?

— За мой счет, — ответил Герман и небрежно махнул рукой, — с будущими знаменитостями следует быть в добрых отношениях.

Оба рассмеялись. Франц хлопнул Германа по плечу, хоть тот и был старше на десять лет, и стремглав бросился на улицу. Вслед ему зашелся звоном дверной колокольчик.

Конечно же, Герман не будет держать язык за зубами, но Франца это нисколько не волновало. Пусть хоть вся деревня болтает! Каждый пусть знает, на что он способен! Его согласия добиваются! А он ни капельки не сомневался, что выдержит испытательный срок. Лучшего

левого крайнего среди сверстников нет. Так говорил каждый, кто видел Франца в игре. В прошлое воскресенье он заколотил мертвый голешник «Бело-зеленым». Фото, где он наносит удар по воротам, даже попало в газеты. С подписью: «Гордимся нашими парнями!»

Родители Карин жили в одном из новых домов на краю деревни. Ее отец был служащим в правлении общины. Пару лет назад он приобрел земельный участок, который ему уступили по дешевке за согласие работать в Айбахе. А раньше семья жила где-то на Рейне. С Карин Франц познакомился в Хёэ на одном из футбольных праздников, в палаточном городке. Он знал, что она тоже из Шмалькоттена. Это избавляло его от возможных соперников, потому что прочие игроки команды чаще заглядывались на приезжих девушек — в них им чудилось что-то необычное. Карин была милостивой, кареглазой, с черными волосами, и, танцуя с ней, Франц совсем оробел. Но ему удалось все-таки проводить ее до дома на мопеде.

Он вез ее домой, ощущал прикосновение ее рук и судорожно пытался уследить за дорогой. На приличном расстоянии от дома он остановился, прислонил мопед к дереву и молча обнял ее. Губы у нее были теплыми и податливыми. Все оказалось удивительно просто. С тех пор они начали встречаться...

Наконец он добрался до ее дома и позвонил. Послышались хорошо знакомые шаги матери Карин. Когда она открыла, Франц сказал, едва переведя дух:

— Здравсьте, госпожа Вюнше, Карин дома?

Эту фразу он твердил каждый раз, входя в дом, и, не дожидаясь ответа, взбегал по лестнице в ее комнату.

— Здравствуй, Франц, — сказала госпожа Вюнше. — Входи, она у себя.

И мать Карин показала рукой наверх.

— Ужинать останешься? — крикнула она ему вслед.

— Нет, спасибо! — бросил он с верхней ступеньки. — Меня мама ждет. Я только хочу сообщить Карин важную новость!

Карин валялась на кровати, листая журнал.

— Франц! — радостно вскрикнула она, вскочила и бросилась ему на шею. Они поцеловались, но Франц тут же отстранился — ему надо было выговориться.

— Слушай, — сказал он и с шумом набрал полную грудь воздуха, — мне только что звонил Лаутербах...

— Лаутербах? — перебила она.

— Да, тот самый, игрок сборной, из «Боруссии».

Карин в этих вещах разбиралась не хуже него, она ведь тоже как-никак играла в футбол. СК «Хёэ» около года назад организовал женскую футбольную команду, и Карин была в ней вратарем. Когда они по субботам тренировались, Франц обычно занимал место за воротами и пытался научить подругу, как правильно выбирать позицию.

— Ближний угол закрой! — покрикивал он.

Или:

— Сыграй на выходе!

Или:

— Кулаками отбивай!

Карин вся эта премудрость давалась трудно, однако играть ей очень нравилось.

— И что же Лаутербах хотел? — спросила она. Лицо ее посерьезнело, безудержной радости как не бывало.

— Они вызывают меня к себе, на тренировочные сборы, ты только представь! — ликовал Франц, не замечая, что Карин не торопится разделить его восторг.

— Ну вот, — только и сказала она, вернулась к кровати и выключила проигрыватель. В комнате стало очень тихо.

— Да ты и не рада вовсе?

Он был разочарован. Какая муха ее укусила? Они уже много раз обсуждали такую возможность, и Францу казалось, Карин обрадуется, узнав, что его приглашают в профессиональный клуб. В конце концов, она ведь понимает: с его способностями СК «Хёэ» — не предел мечтаний, если он надеется чего-то в жизни добиться.

— Конечно, я за тебя рада, — она вымученно улыбнулась.

— За меня? — спросил он. — То есть как — за меня? Тебя ведь это тоже касается. Да что с тобой?

Он опустил на колени и обнял ее ноги.

— Карин, — голос его звучал мягко. — Ну-ка, скажи мне, в чем дело?

— Сама не знаю. Но у меня почему-то душа к этому не лежит.

Она подхватила его одной рукой под локоть и потянула вверх.

— Посиди со мной.

Он привстал и уселся рядом с ней на приземистую кровать.

— Да в чем же дело, черт побери! — воскликнул он в сердцах. — Для меня ведь это единственный шанс!

— Я понимаю. Наверное, я просто боюсь.

— Боишься? Но из-за чего?

В его голосе послышались умоляющие нотки.

— Из-за нас. Ты уедешь, а я тут сиди и тебя дожидайся. Такой вариант не по мне.

— Но мы ведь на эту тему сто раз говорили. И ни о каких страхах речи не было. Никогда.

— Мне не хотелось портить тебе настроение, и потом, все это было в проекте... А сейчас, похоже, приняло серьезный оборот. Но ты не обращай на меня внимания, Францик, — она провела рукой по его длинным вьющимся волосам, схватила одну прядь и натянула ему на нос.

И даже рассмеялась. — Поезжай спокойно на эту свою стажировку в «Боруссию». Еще ведь ничего окончательно не решено.

— Здравьете, приехали! — сказал он и мотнул головой, высвобождая волосы из ее рук.

Франц был несколько раздосадован. Как, интересно, Карин себе все представляет? Не век же ему куковать в деревенском клубе! Это не для него, хоть господин Киршбаум и сулил игрокам золотые горы. Председатель страстно мечтал о выходе команды в земельную лигу², пусть только созреет команда юниоров, в которую он вложил столько сил и средств... Почти все игроки попали в СК «Хёэ» из разных клубов. Франц раньше играл в Шмалькоттене, за другой клуб, был учеником в магазине у Хистермана в Дриштеттене. Потом в один прекрасный день появился Фриц Тюммлер, тренер «Хёэ», и уговорил перейти к ним. Франц даже место в магазине бросил, потому что господин Киршбаум устроил его учеником на своем предприятии. Сейчас учеба подходит к концу, через полгода экзамен. Выдержит ли его Франц — неизвестно, ведь три последних месяца он в основном тренировался. Господин Киршбаум освободил его на это время от всего.

Итак, Франц сидел в комнате Карин и оглядывался по сторонам. Накатила какая-то непонятная тоска: все же комната эта стала частью их жизни. Здесь он чувствовал себя как дома. Родители Карин ничего не имели против их дружбы, спокойно относились к тому, что они уединялись наверху, где им никто не мешал. «Лучше здесь, чем неизвестно где», — однажды сказала ее мать. Она даже

² Любительская лига в каждой из федеральных земель ФРГ, отсюда и ее название.

достала для Карин особые таблетки, после того как откровенно поговорила с дочерью. Все образовалось само собой, без каких-либо сложностей.

Родители Франца к подобным вещам относились иначе. Им бы он никогда не решился довериться. Они понятия не имели, что он поднимается к Карин наверх.

— Ну, мне пора, — сказал Франц и встал. — Мать зажда-лась с ужином. Мне ведь срочно пришлось убежать, что-бы позвонить Хеннесу.

— Вот ты и расстроился, — Карин взяла его за руку, но он отстранился и пошел к двери. На пороге обернулся на прощание. Наверное, уже жалеет, что так отреагиро-вала на его радостную новость. Может, просто пришла домой в плохом настроении из универмага, где работа-ла продавщицей, или получила нагоняй от заведующего секцией... Можно было найти много причин.

— Да ладно, — сказал он. — Проехали. Уж как-нибудь все уладим. К тому же еще вопрос, возьмут ли они меня.

— Я тоже так думаю, — она улыбнулась.

— Но одно должно быть ясно, Карин, — продол-жил он серьезно. — Я не могу упустить свой шанс. И ты не должна мне мешать, понимаешь? Футбол — это моя жизнь. Это для меня не забава. Тут я могу кое-чего до-биться, но только с тобой вместе.

— Конечно, — кивнула она. — Я все понимаю.

— Вот и отлично, — он улыбнулся, но радости, с какой мчался сюда, не было и в помине. Что-то в их отношениях переменилось.

— Пока, до скорого.

— Ты еще зайдешь?

— Не знаю, — сказал он и вышел.

Тренер был прав: виновата полузащита. Франц вытянул свои длинные ноги и закрыл глаза...

— Забей гол, — сказал тренер. Он стоял в дверях раздевалки и смотрел, как они сидели, сгорбившись, на скамьях, прихлебывали чай из чашек, подносили к пересохшим губам бутылки с лимонадом и пытались мало-мальски собраться с силами. Первые сорок пять минут были сущим адом: дикая жара, да еще в жерле стадиона-кратера — к такому они не привыкли.

Франц пожал плечами, не открывая глаз. Можно подумать, что забить гол — пара пустяков.

Хорошо еще, уберегли свои ворота, пока 0:0. И это в игре против явного фаворита первенства, да еще на его поле. Но от глухой защиты толку мало, поскольку в первой игре на своем поле они уступили сегодняшним противникам, клубу «СДМ», — 0:1. Теперь, чтобы выйти в следующий круг, надо выиграть с перевесом в два мяча.

Игра у них просто-напросто не клеилась. Вся команда только тем и занималась, что сдерживала соперника, не помышляя о контратаках. Франц тоже больше присматривал за защитником, который частенько появлялся в их штрафной. Сам он еще ни разу не ударил по воротам, а ведь в других играх делал это частенько. В своей команде он считался главным бомбардиром. В розыгрыше первенства по их подгруппе записал на свой счет не менее

тридцати мячей, да еще двенадцать в региональном отборочном турнире. Словом, внес немалую лепту в то, что команда получила право играть с «СДМ» в первенстве ФРГ среди юниоров.

Худшее, что могло произойти, — они вылетали из дальнейшей борьбы за чемпионское звание. Но на первом этапе они все-таки сделали команду юго-западного региона, «Бело-зеленых-07», со счетом 2:0. Не повезло, что при выборе следующего соперника жребий пал на «СДМ», да плюс еще первую игру пришлось проводить дома. Это плохо: лучше сначала отыграть на поле соперника. К тому же их клуб и так считали аутсайдером. До чемпионата лишь в их районе слышали про такую команду — СК «Хёэ-08». Сам по себе выход в финальную пульку уже стал внушительным достижением.

В дверь раздевалки постучали. Кто-то прервал фразу на полуслове, кто-то оставил недопитую бутылку с лимонадом, кто-то смахнул капли пота со лба. Все посмотрели на дверь — они знали, что означает этот стук. Дверь открылась, и вошел судья.

— Начнем? — сказал он, когда они уже поднялись и гурьбой потянулись к выходу на поле.

Их тренером был Тюмлер, молодой преподаватель физкультуры из бушротской гимназии, на выгодных условиях приобретенный господином Киршбаумом. Сейчас тренер каждого дружески напутствовал — похлопывал по плечу, шептал подбадривающие слова, которые вряд ли доходили до сознания футболистов. Слишком они были поглощены игрой, не отошли еще от первого тайма, когда им практически не удавалось переходить центр поля. Да и погода подвела. Стояла жара, солнце палило нещадно, и в котловине стадиона воздух накалялся как в теплице.

Футболисты высыпали на зеленый ковер, услышали ликующие вопли — в секторе против углового флажка находились их болельщики. Они размахивали бело-голубыми флажками, трясли коровьими колокольцами. Карин там, среди них, сто процентов. Правда, Франц ее с пятницы не видел, с тех пор как команда поселилась в местном пансионе. И, судя по всему, вряд ли увидит после игры. Но он был уверен, что она стоит на трибуне и скандирует вместе со всеми. Их отношения наладились: еще в тот вечер они поговорили друг с другом начистоту. Без этого он, наверное, вовсе не смог бы играть. Да и Лаутербах больше не объявлялся. Франц посмотрел в сторону углового сектора и, как все игроки, помахал руками. Но его приветствие адресовалось лишь ей, он был счастлив, что Карин где-то здесь. Может, не все еще потеряно и рано сдаваться на милость победителя. Если бы Калла, их капитан, дал ему точный резкий пас на рывок и он наконец использовал бы свое преимущество в скорости перед защитником, тогда, может, он и забил бы гол, которого так ждали тренер и товарищи по команде.

— Через фланги больше играйте, — внушал им в перерыве тренер. — Дайте Францу на ход. За ним-то дело не станет.

Центрфорвард «СДМ» ввел мяч в игру — и Францу тут же пришлось оттянуться назад, потому что его визави, не мешкая, ринулся вперед и немедленно получил мяч. Франц играть в защите не любил, хотя обладал и скоростью, и мощным ударом. Лучше получалось у него быть нападающим. Когда же Франц помогал защитникам, куда-то девалась стартовая скорость и он покупался на самые примитивные финты, притом что знал их наизусть и сам ими пользовался.

Как из-под земли перед ним вырос защитник — с мячом. Франц его просто прошляпил. Быстрое обманное движение корпусом, и вот уже защитник проскочил мимо. Франц устремился вдогонку — без малейшей надежды догнать соперника и помешать ему навесить мяч в штрафную площадку. Четкая игра головой, и не прошло еще минуты второго тайма, как счет стал 1:0 в пользу «СДМ».

Это был тяжелый удар. Манни, вратарь «Хёэ», обескураженно сидел на земле, а над его головой игроки «СДМ» бурно поздравляли автора гола. Тот достал мяч из сетки и торжественно запустил его к центру поля. Игроки СК «Хёэ» стояли с убитым видом, переглядываясь и сокрушенно пожимая плечами. Затем побрели на исходные позиции.

Франц снова находился в центральном круге. Калла одобряюще похлопал в ладоши. «Хорошо ему хлопать, — подумал Франц, — лучше бы пас человеческий дал».

Мяч ввели в игру, и он сразу же попал к Францу. Тот не спешил с ним расстаться, продвинулся вперед, контролируя мяч, — никто его не атаковал. А когда на пути возник защитник, Франц показал, что будет уходить вправо, а сам перекинул мяч на левую ногу, и вот уже защитник остался позади. Теперь Франц вел мяч левой ногой. Заметил, как на него нерасчетливо бросился кто-то в белой футболке. Понадобилось лишь чуть ускориться и сделать небольшой рывок, чтобы и этого оставить за спиной.

Франц уже добежал почти до лицевой линии, когда перед ним оказался третий защитник. Пространства для маневра больше не было. Франц придержал мяч, чтобы тот не выкатился за лицевую линию, затем правой ногой сделал ложное движение, но тут же ловко переложил

мяч на левую ногу. Защитник пролетел мимо. Наконец-то можно сделать навес. Францу никто не мешал.

И тут неожиданно мяч подскочил — то ли из-за случайной кочки, то ли из-за непредвиденного вращения, которое Франц сам же придал. Только вместо удара получилась срезка, и мяч опустился за воротами. Все мастерство, все старания ни к чему не привели: возможность была упущена. Франц даже не поднял глаз от земли: знал, как будут смотреть на него товарищи. Топнул ногой, словно показывая, что бутса подвела, и с опущенной головой засеменял обратно, на свою половину. Калла, находившийся поблизости, от расстройства лишь махнул рукой. «Тоже мне, размахался — поди сделай лучше».

Где-то сбоку громко кричал тренер, не разобрать, что именно, но ясно — в его адрес. Игра между тем продолжалась, но теперь все больше на противоположном фланге. Франц позволил себе передохнуть. Лишь когда мимо на всех парах промчался защитник, он понял, какая опасная атака разворачивается на их ворота. Бросившись за защитником со всех ног, Франц настиг его в момент, когда тот изготовился принять передачу. Перехватив мяч, Франц услышал аплодисменты, которыми публика оценила его действия.

Теперь он сразу же сместился в центр поля. Калла оказался слева, и, когда навстречу двинулся защитник, Франц прокинул мяч в свободный коридор, где его подхватил Калла. А Франц занял излюбленное место — оттянутого левого полусреднего, откуда успешнее всего угрожал воротам. Он видел, что Калла держит мяч, и приостановился, чтобы сбить с толку защитника. В результате оказался неприкрытым, в отменной позиции для атаки — Калла тоже это заметил. Получив мяч метрах в десяти от линии штрафной, Франц увидел справа от себя Нобби, сыграл

с ним на скорости в «стенку», ворвался в зону, оставленную защитниками «СДМ» без присмотра, и, не мешкая, ударил с полуразворота.

Нобби вскинул руки вверх, и Франц понял: мяч в сетке! Он подпрыгнул, издавая боевой клич и потрясая руками. Услышал радостные возгласы товарищей по команде, которые бросились на него с объятиями. Франц упал, на поле образовалась куча-мала. Он сравнял счет, он добился своего. Теперь они еще поборются. Все поднялись, отряхнулись и направились к центру поля, а к нему еще подбегали игроки и даже некоторые зрители, чтобы поздравить руку, дружески хлопнуть по плечу.

Он видел развевающиеся флажки болельщиков, знал, что Карин среди них. Наверняка на голове у нее потешная косыночка в бело-голубую полоску. Наверняка она сейчас гордится им. Теперь уж они там точно хорошенько взболтают банки с кока-колой и резко откроют, чтобы пена обрызгала всё вокруг. Францу это было хорошо знакомо. Забивать голы — удивительное дело, самое прекрасное в футболе. Поэтому ему нравилось играть в нападении. Забитый гол, как правило, окрылял, раскрепощал, пробуждал азарт.

Собственно, Франц и в футбол играл ради этого ощущения, ради ликующего состояния, в какое его приводил удар, достигший цели. Тот, кто никогда не забивал гола, не способен этого понять. Такое надо испытать самому. Этого не объяснишь ни Карин, ни друзьям, хотя они и были необходимы ему, чтобы пережить триумф в полной мере.

Игра давно возобновилась. Команда «СДМ» яростно наседала, а они держали оборону. Кураж улетучился, как только Франц заметил, что его команда никак не может вырваться из тисков противника. Манни снимал мяч

с головы нападающего, вытаскивал в броске мяч, летевший в дальний угол, и переводил на угловой, смело играл на выходах, отбивая мячи кулаками за пределы штрафной площадки. Вот Манни еще раз превзошел самого себя. Они подбежали и по очереди похлопали его по спине — благодарили за безупречные действия. Тюмлер вскочил с тренерской скамейки; они видели, как он отчаянно жестикулировал, складывал ладони рупором и надсадно кричал. Но они его не слышали, да им было и не до его указаний. Соперники имели безраздельное игровое и территориальное преимущество. «Совсем дышать нечем, — пронеслось в голове у Франца, — еще немного, и встану». Тут боковым зрением он увидел, как игрок в белой футболке вскинул руки вверх, увидел, как Манни нагнулся за мячом. Забили все-таки. Франц даже не заметил, как это произошло. Калла рухнул на траву и бил кулаками по земле. Кто-то выкрикнул: «Эх, Манни!» Видно, мяч был несложный — закатился или спланировал за голову, а Манни поздно его заметил. Впрочем, с ним постоянно случались такие истории. Он отражал коварнейшие удары, вытаскивал мертвые мячи, а потом вдруг пропускал бабочку. Манни порой и сам ничего не мог понять.

— К чертовой матери! — крикнул Франц вне себя.

Из кожи вон лез, даже гол забил. А толку от этого гола чуть. 1:2 — равносильно поражению. Больше всего ему хотелось упасть рядом с Каллой и колошматить кулаками по жестковатому дерну. Но разве это что-нибудь изменит? Игру они отдали, теперь уже без сомнений. В оставшиеся считанные минуты он, хоть убей, в одиночку не забьет. Он уже сдох: колени стали ватными, в горле пересохло, пот градом катился со лба, оттого щипало глаза. Конец.